

Эксперимент: перерождение и трансформация природы

В статье рассматривается природа научного эксперимента как основа западноевропейской цивилизации. Научный эксперимент оказывается не просто строгим методом исследования природы, но и всеобщей социальной практикой, проникающей во все сферы социума, вплоть до человеческой природы. Авторы рассматривают особенности социального эксперимента на примерах кино, литературы. Ставится также вопрос об истинном свидетельстве эксперимента Auschwitz. Гипотеза о вирусной природе технического подкреплена примерами жизни современного социума.

Ключевые слова: эксперимент; социальный эксперимент; природа техники; трансформация и перерождение; «новая» природа; голая жизнь; свидетель.

Античный космос был сотворен, и все в нем было произведением искусства. Философ, как человек-теоретический, стремился разобраться в сущем по принципу любви, так, как любящий человек пытается разобраться в загадке предмета, к которому его влечет. Платон, фиксируя любовь как «метод» познания идей, опирался на Гесиода, у которого без Эроса мир невозможен, и выделял пять его/ее типов: эротическую любовь, сребролюбие, честолюбие, властолюбие и философию. То есть под философией Платон понимал особого рода любовь, названную впоследствии его именем платонической [3, с. 98]. Философы, увлеченные объектом страсти, не хотели и не могли причинить этому объекту какой-либо вред или мучить его недоверием, ибо смотрели в глубь себя и настраивали себя на более гармоничное взаимодействие с ним. Но вокруг влюбленных философов жили практичные люди – земледельцы, ремесленники, торговцы, мореплаватели, воины, государственные деятели, – и их интересовало в космосе совсем иное, а именно польза, а не какая-то надлунная истина. Для философа же польза может нарушить гармонию творения, отсюда запрет Пифагора, Платона и Аристотеля на то, чтобы нести философскую истину «в массы». Инженерные ремесла при всем к ним уважении рассматривались как желание «обмануть природу вещи», заложенную в нее изначально.

Конечно, в таких культурных условиях эксперимент как научный метод, познающий истину, сформироваться не мог. Только на заре Нового времени, когда «природы вещей» превратились в единую Природу, естествоиспытатели стали полагать, что у предметов природы и инструментов познания одни и те же механические законы. По сути, предметы исследования и приборы, изучающие эти предметы, составляют единый природный мир. Следовательно, нет в «механических искусствах» никакого обмана, они составляют приспособления, помогающие человеку выявить в природных объектах качества, скрытые при обычном наблюдении. Ф. Бэкон указывает: «Скрытое в природе более открывается, когда оно подвергается воздействию механических искусств, чем тогда, когда оно идет своим чередом» [5, с. 61]. Естествоиспытатель творит новый предмет потому, что это уже преобразованный предмет, в который встроен прибор. «Следует сдвинуть предмет с его естественного места, лишить его естественного вида, вырвать из

* Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Леонид Сергеевич Чернов, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии УИУ (филиал) РАНХиГС при Президенте РФ (г. Екатеринбург).

естественных условий и испытать во множестве ситуаций, прежде чем он откроет себя в качестве целостного предмета... Таким образом предмет новой науки не только является результатом преобразования традиционного предмета, он включает в свое собственное определение процедуры преобразования» [2, с. 210]. Отсюда, наука Нового Времени разрушала и перестраивала естественный предмет, чтобы в искусственно организованном явлении обнаружить всеобщий принцип. Успехи естественных наук были настолько убедительны, что наука взяла себе «на вооружение» механическую картину мира для объяснения и социальных явлений: общества, человека. Общество сравнивалось с часами, человек – с машиной. Социальная мысль также стала перестраивать действительность, придавать ей новую форму «общественных отношений».

Европейские просвещенческие революции XVII–XVIII веков продемонстрировали волю человека к изменению природы общественного устройства. В XIX веке «в голос» заговорили о себе гуманитарные науки, стремясь освободиться, отделиться от естественно-научного знания, но новая гуманитарная рефлексия не изменила глобальную парадигму, которая была зафиксирована в XVII веке, а новоевропейский экспериментальный стиль мышления, казалось бы обособленный и специфичный, но по сути тотальный, *распространился на всё*.

Эксперимент – это активное вмешательство в естественный процесс, в результате которого появляется новая природа. Насколько правомерно говорить, что в эксперименте природа взаимодействует сама с собой, как полагал Ф. Бэкон, если в любом исследовании результат напрямую зависит от *влияния* на предмет научного интереса? Насколько возможно внутри эксперимента остаться *тем же самым и самому экспериментатору, и сохранить изучаемую им природу*? И. Кант не зря говорит, что предмет исследования ученому «является», то есть демонстрирует определенные свойства, согласные со спецификой априорных способностей субъекта. То есть мы сами, своей природой, накладываем ограничения и в восприятии предмета, и в познании его, ведь наши сенсорные и интеллектуальные способности не безграничны. Априорные принципы познания, заложенные в человека, достаточно определены, и предмет исследования будет «являться» так, как это предзадано природой человека. Конечно, инструменты исследования расширяют сенсорные способности (телескоп – улучшенный глаз, слуховой прибор – модифицированное ухо) человека. Но, вступая во взаимодействие с предметом исследования, они с необходимостью провоцируют создание неких симбиозов, в которых уже сложно отличить, где собственно природа предмета исследования, а где результат влияния прибора.

Особенность экспериментального отношения к действительности заключается в том, что в результате агрессивного воздействия на испытуемый объект происходит перестройка, переформирование его природы и, как следствие, появляется природа нового типа.

Наиболее ярко желание перестроить объект представлено в существе «структурной химии», которое коротко можно свести к следующему. Всякое химическое вещество состоит из некоторого числа атомов конкретных химических элементов. Зная свойства каждого химического элемента и понимая, в какие типы связей каждый химический элемент может вступить, мы можем создать план синтеза новых химических веществ с необходимыми человеку химическими свойствами. То есть мы можем, создавая новые структурные формулы химических соединений, создавать новые химические вещества. Эти новые химические вещества в идеале будут иметь те свойства и качества, которые мы спрогнозировали и хотим использовать. Химия ставит своей целью получение веществ с заданными свойствами и выявление способов управления ими.

В XX веке именно химия дала обществу новые лекарства, красители, резину, искусственный шелк и многое другое. Нам важно на данном примере зафиксировать следующее: в экспериментальном мировоззрении заложена не просто мысль о подчинении природы, решение заставить «естественный мир» служить на благо человека, в *экспериментальном методе заложена идея создания новой природы*, природы под запрос человека, природы контролируемой, природы с «заданными свойствами».

Квантовая физика начала XX века поставила исследователей перед парадоксом. Ученые старались элиминировать себя из хода самого эксперимента, посмотреть на ситуации, в которых природа «взаимодействует сама с собой» извне. Но эксперименты предполагают «вхождение» в микромир. На примере квантовых объектов исследователи столкнулись с результатами откровенного вмешательства, «соучастия» человека и прибора в экспериментах. Например, принцип неопределенности В. Гейзенберга фиксирует, что никогда нельзя одновременно знать нахождение и скорость (импульс) частицы. То есть чем точнее измеряется одна величина, тем менее точно измеряется другая. В классической механике мы легко связываем скорость движения объекта и его местонахождение. «Ньютоновская физика была устроена так, что позволяла, исходя из состояния системы в определенный момент времени, заранее рассчитать будущее движение системы» [6, с. 124]. Но квантовые объекты не позволяют это сделать, поскольку «чтобы узнать, каким будет положение и скорость частицы, нужно уметь производить точные измерения ее положения и скорости в настоящий момент. Очевидно, что для этого надо направить на частицу свет. Часть световых волн на ней рассеется, и таким образом мы определим положения частицы в пространстве. Однако точность этого измерения будет не выше, чем расстояние между гребнями двух соседних волн, и поэтому для точного измерения положения частицы необходим коротковолновый свет. Согласно же гипотезе Планка, свет невозможно использовать произвольно малыми порциями и не бывает меньшей порции, чем один квант. Этот квант света внесет возмущение в движение частицы и непредсказуемо изменит ее скорость» [11, с. 53]. Следствие – *наши приборы с необходимостью взаимодействуют с объектами изучения*. «Измеряемое деформируется, становится другим в самом акте измерения» [2, с. 6]. Измерительное устройство является частью измеряемого. Инструмент измерения, вступая во взаимодействие с объектом измерения, воздействует на его свойства, включая измеряемые величины.

В. Гейзенберг пишет об этом явлении так: «Можно либо с высокой точностью измерить местоположение, и тогда вмешательство измерительного инструмента в известной мере исключает точное знание его скорости, либо же, наоборот, возможность точного знания местоположения уничтожается точным измерением скорости, так что произведение обеих неточностей не может быть меньше величины постоянной Планка» [6, с. 127]. Понятно, что здесь речь идет не о субъективности ученого, которую критиковала классическая физика, не о влиянии «идолов», идущих от человеческого ума на процесс познания. Речь идет о том, что невозможно наблюдать микромир, не нарушая его. В квантовой физике это положение зафиксировано в принципе дополнительности датского физика Нильса Бора.

Бор сформулировал его в 1927 году, и согласно принципу дополнительности корпускулярная и волновая картины мира дополняют друг друга, хотя корпускулярные и волновые свойства микрообъектов друг друга исключают. То есть в зависимости от постановки эксперимента, от используемых приборов, объект исследования показывает либо корпускулярные, либо волновые свойства, но не оба вида свойств. Дополнительными в квантовой физике являются пространственно-временная и энергетически импульсная картины. Отныне физик не изучает

частицу/волну саму по себе, он изучает взаимодействие физической системы с измерительным прибором. «Атомный физик вынужден мириться с тем, что его наука представляет собой лишь звено в бесконечной цепи взаимоотношений человека и природы, она не может говорить попросту о природе «как таковой». Познание природы всегда уже предполагает присутствие человека, и надо ясно сознавать, что мы, как выразился Бор, не только зрители спектакля, но одновременно и действующие лица драмы» [6, с. 295]. Таким образом, микрообъекты как бы «размазаны», но если вы захотите определить, где частица все-таки находится, то вы всегда обнаружите в каком-то месте всю частицу целиком, т. е. она «соберется» из своего «размазанного» состояния в конкретное, определенное место.

Технический аспект эксперимента и исследования целиком из научного мировоззрения вытекает как следствие. Нельзя разделить науку на теоретическую и практическую (инженерную), а опыты, как говорил Ф. Бэкон, на светоносные на плодоносные. Техника (вмешательство) заложена в самую суть экспериментального. Сущность техники (вмешательства, инструмента) не просто в расширении спектра сенсорных возможностей человека, не просто в том, чтобы «дальше видеть и лучше слышать», – ее суть во внедрении в старую классическую античную природу чего-то иного, другого. Мы фиксируем, пока предварительно, что это внедрение *техники в свою очередь само имеет вирусную природу, иначе – способность подключения к природе вещи как к генетической программе с целью видоизменить природу исходного предмета, подчинить, поработить, дать новую задачу, программу*¹. Техника в этом аспекте не есть «освобождение» природы вещи, прояснение ее цели, как это было в Античности. Техническое вмешательство «меняет вид» исходного предмета, дает ему «новую природу».

Почему мы можем себе позволить применять разрушающие технические методы к живому с такой же легкостью, с какой это делается наукой в отношении неживого? Биологические теории происхождения жизни весь XX век стремились найти путь от неживой формы материи к живой, и такого рода примеры представлены опытами А. И. Опарина и С. Миллера. Суть этих экспериментов основана на гипотезе, что живое может возникнуть из неживого, следовательно, необходимо найти условия, в которых это возможно. Стэнли Миллер в 1950-х годах в лабораторных условиях из неорганических веществ получил порядка 20 аминокислот, являющихся строительным материалом белка. Понятно, это очень воодушевило научное сообщество и рассматривалось как подтверждение правильного направления поиска. Хотя прямой путь от неживого вещества к живому организму наукой до сих пор не найден, тем не менее естествознание не отказалось от гипотезы, что этот путь возможен.

Современная наука создает нового человека, вживляя неживые технические механизмы в живую ткань антропоса. Для реализации таких направлений поиска и инженерного мастерства должен существовать определенный *допуск в парадигме мышления*. Этот специфический «допуск» заключен в возможной проходимости качественных барьеров между вещами. Количественная однородность, проходимость всех качеств делает условными границы между видами. Нет качественной демаркационной линии не только внутри жизни (теория эволюции основана на этом), но и между живым и неживым. В конце XX века появляется генная инженерия, дающая возможность на геномном уровне совмещать материал генов (на-

¹ Вирус – обломок молекулы ДНК или РНК в белковой оболочке. Специфика вируса в том, что он, попадая в ядро живой клетки, встраивается в ДНК клетки. Это возможно потому, что информационные молекулы все однотипны и ДНК живой клетки прочитывает вирус как собственную программу и начинает его размножать за свой счет, естественно при этом разрушаясь. Техника – это какой-то обломок человека, его грань, техническое как летальный срез человека, который человека себе подчиняет. Часть подчиняет целое.

пример, опыты Вальтера Геринга по сплайсингу (от англ. *splice* – сращивать) генов дрозофилы и крысы). То есть у науки есть серьезная претензия на возможность технического создания новых биологических видов, что касается и вмешательства в природу человека. Например, «австралиец Стеларк рассматривает интеграцию в тело как способ эволюционного развития: технология, вживленная в тело по принципу симбиоза, рождает новый тип эволюционного синтеза, новый человеческий гибрид – в сплетении органики и синтетики возникает новая разновидность эволюционной энергии. В перформансе Стеларка “Amplified Body, Laser Eyes and Third Hand” движениями его тела управляли мышечные стимуляторы, активированные через Интернет. Специальный усилитель улавливал звуки внутри его тела, а механическая третья рука, закрепленная на предплечье правой, на протяжении всего представления совершала различные движения от спонтанных и непредсказуемых до продиктованных нервной системой художника» [12, с. 154–155]. Данный пример наглядно показывает, что подобные эксперименты с телом человека технически возможны, но он также показывает и незавершенность/пластичность человеческого естества как на уровне телесном, так и на уровне духовном, ведь человеку предлагается многое поменять в самовосприятии и самоидентификации.

Если же мы берем область социальных экспериментов, официально запрещенных, но по сути встречающихся повсеместно, то целью таких, назовем условно, «исследований» также является «природа человека», или его подлинная суть, скрытая за шелухой идеологии, воспитания, предрассудков и других непонятных наслоений, затмевающих подлинное назначение эксперимента и подлинную природу человека. В изучении человека наука не идет стезями любви, «бездоказательно полагающей, что именно так можно увидеть в человеке его подлинное лицо, настоящую природу». Наука идет своими опробованными ходами, а именно – ходами и методами эксперимента. Зададимся вопросом: что есть человек в эксперименте? Ответ парадоксален: человек в эксперименте – это перерождение и трансформация. (Может быть, наука осуществляет путь к сверхчеловеку, о котором пишет Ф. Ницше? Ответ на этот вопрос мы здесь специально не исследуем, выскажем лишь общее замечание, что нет ничего более далекого сверхчеловеку Ницше, чем та массовая культура и культура толпы, которую современная наука через технологии распространила в мире.)

В науке заложена та же интенция, что и у религии, – преобразование, преобразование природ мира. При всей схожести в намерении (социальная утопия, обретение рая, общество благоденствия), сам принцип конституирования предметов в религии и в науке оказывается разным. Если в религии наделение предмета смыслом так или иначе связано с «приращением» к предмету нематериального (духовного, смыслового, символического), то наука, изымая дух из природы, превращает живое в сугубо материальное. Имея дело с потенциальной бесконечностью материи, она никогда не может выйти в сферу актуального бытия, в область целей самой материи. Поэтому было так важно в Новое время низвергнуть в науке авторитет Аристотеля и взамен его целевым причинам (энтелехиям) вещей дать причины нецелевые. Нецелевые значит и «бесцельные», т. е. любые, произвольные, и целевые уже не с позиции природы, а с позиций самого человека. Г. Державин пишет в знаменитой оде: «Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог». Менее 50 лет пройдет, и декабристы-просвещенцы захотят изъять помазанника Бога из социальной жизни, доказывая и иллюстрируя тезис о том, что изъятие целевой причины из картины мира подчиняет мир законам очеловеченной материи.

Новая очеловеченная материя эксперимента теряет классическую демаркацию «естественная/искусственная», поскольку в широком смысле слова вся становится искусственной. В этой новой материи роль самого экспериментатора (субъекта

эксперимента) и того, над кем экспериментируют (предмета эксперимента), переплетены таким сложным образом, что становится невозможным сказать однозначно: что действительно происходит внутри эксперимента? Где истинное свидетельство о нем? Сегодня эксперименты очень условно делятся на естественнонаучные и социальные, скорее, они должны быть обозначены как безопасные и настоящие (опасные). В безопасных экспериментах человек удален на максимальное расстояние от хода эксперимента, т. е. на нем практически не лежит ответственность за «прояснение» природы и последствий от этого «прояснения». Разновидностью безопасного социального эксперимента может являться, например, кино, в структуре которого человек находится в состоянии включенности в ситуацию, но как бы «понарошку», не очень серьезно. Степень включенности человека в ситуацию во многом определяет, насколько эксперимент реален, а не является легкой игрушкой. Настоящие эксперименты – те, в которые человек погружен полностью, своей жизнью в целом. Безопасный же эксперимент предполагает, что у экспериментального случая не будет памяти, призывающей к ответственности. Безопасные эксперименты, по сути, безмозглы, человеческое целое (прошлое + настоящее + будущее) в них не задействовано. Рассмотрим примеры «настоящих» экспериментов, акцентируя в них аспект свидетельства. Разве не на основании свидетельских показаний решается, что истинно, а что ложно?

В повести братьев Стругацких «Трудно быть богом» описан социальный эксперимент *с точки зрения прибора*, инструмента исследования, которым выступает сам человек. К повести подобран символический эпиграф: «Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах». От Руматы Эсторского требовалось фиксировать происходящее и ни во что не вмешиваться, быть принципиально объективным. Это же требуется от любого градусника, амперметра, вольтметра, тонометра. Переживает ли тонометр, если у человека давление 220/100? Мы считаем, что нет. А если «прибором» является сам человек? «Эксперименту нет дела до твоих переживаний. Не можешь, не берись», – говорит себе Румата, фиксируя свое качество независимого наблюдателя. Напомним, Румата, как землянин, представляет собой позицию будущего, актуальную позицию прогрессивного развития всякого земного общества. В этом смысле всё, что происходит в Арканаре, принадлежит, с человеческой точки зрения, прошлому. Читатель легко определяет историческое положение Арканара как позднее человеческое средневековье, т. е. как *то*, что уже было когда-то. Информация о событиях, происходящих в арканарском прошлом, автоматически идет через передатчик, встроенный в обруч на голове Руматы, на Землю. Румата из будущего наблюдает за прошлым, за своим прошлым, которое почему-то не радужно, как райский сад, а, напротив, отмечено рафинированными зверствами. В нем убийства и несправедливость. Вообще-то в сторону пережитого прошлого для будущего стоит «кирпич», автомобильный знак, запрещающий въезд. Но все дорожные знаки легко обходятся, это ведь только предупреждение, и человеку дана *память – путь в прошлое*. Будущее смотрит на прошлое в качестве наблюдателя, ему запрещено что бы то ни было предпринимать. Казалось бы, будущее в приоритете, есть много средств для цивилизованного «мягкого» разрешения всех противоречий: прошлому можно найти тысячу отговорок, оправданий. Прошлое это понимает, оно знает, что будет оправдано. Прошлое верит, что есть ответы на его вопросы, и потому прошлое требовательно: «После чудесного спасения на вертолете Арата настоятельно требовал объяснений. Румата попытался рассказать о себе, он даже показал на ночном небе Солнце – крошечную, едва видную звездочку. Но мятежник понял только одно: проклятые попы правы, за небесной твердью действительно живут боги, всебла-

гие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать» [7, с. 251]. С позиции будущего все проблемы могут быть решены. Сказать, что Румата бессилен, нельзя, он всеми силами старается повлиять на ситуацию, он спасает лучших людей прошлого – ученых, художников, поэтов. При этом не проливается ни одной капли крови, поскольку это принципиальное требование к Румате и таким, как он.

Но будущее не может действовать такими же средствами, какие являются нормой в прошлом. Для будущего неестественно находиться в таких условиях, ведь будущее сформировано другими основаниями, такими как всеобщее благо, отсутствие болезней, несправедливости, притеснений и насилия, а тут потоки крови. Зачем будущему это? Будущее (Румата) смотрит, как прошлое (Арканарское царство) сражается само с собой, решает свои внутренние проблемы, мучается от своего внутреннего зла, ищет свой путь к будущему, свой выход из своего исторического прошлого. «Румата ощущал странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что прав, и, тем не менее, эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чем-то, и не только его, а всех, кто пришел на эту планету и, полный бессильной жалости, наблюдал страшное кипение ее жизни с разрешенных высот беспристрастных гипотез и чужой здесь морали. И впервые Румата подумал: *ничего нельзя приобрести, не утратив*, – мы бесконечно сильнее Араты в нашем царстве добра и бесконечно слабее в его царстве зла...» [Там же, с. 252].

Вольтер иронически повторяет Лейбница: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров», проще говоря, «все, что ни делается – все к лучшему». Но кто-то в прошлом внятно скажет: нет, исправить можно не все. В прошлом погибает Кира, то, что дороже всего Румате; погибает то, что спасти надо было в первую очередь, погибает любовь. Румата пытался изо всех сил быть объективным, «искал истину» с донной Оканой, содержанкой благословенного дона Ребы. Кира погибла не по недоразумению, не по слепой ошибке, а в силу тотальной невнимательности Руматы к самому значительному в его жизни. Научно-экспериментальное количественное уравнивание сущностей (природ, объектов, вещей) приводит к ложной демократизации мышления.

Человек – единственный полноценный прибор-свидетель, способный помнить, т. е. длить жизнь прошлого в себе. Прошлые могут длиться и вещи, памятники-символы, но кто-то должен уметь расшифровывать эти письма. Для Руматы прошлое прочно встало в пыточную ось. Киру не оживить, но до конца убить/забыть ее Румата тоже не даст и потому будет терпеть. *Все когда-то начинается и остается навсегда*. Если помнишь, значит не кончилось, значит живо. В эксперименте прошлое активно *активностью боли*. Чем дольше живет человек, тем он больше помнит. Чем дольше живет человек, тем он больше теряет, заменяя реальность символом. «Знаю, в жизни потеряно столько, что не сосчитать, – эти потери и есть мое сегодняшнее достояние... Умершие принадлежат нам одним; в нашем владении – одни потери. Илион пал, но живет в оплакиваемых его гекзаметрах. Израиль пал, оставшись древней тоской по дому. Любое стихотворение годы превратят в элегию. Самые верные наши подруги – ушедшие: они не подвластны ни ожиданию, с его смутой, ни тревогам и страхам надежды. Единственный рай – потерянный» [4, с. 563]. Таким образом, к первому шагу мы всегда опаздываем, ибо уже что-то произошло, а потом появились мы и эта общая схема жизни, в которой происходит «настоящий» эксперимент. Всякий раз мы стоим перед фактом, внешним ли, внутренним ли, но бытие всегда первично. Прошлые уже рядом.

М. К. Мамардашвили в лекциях о Прусте делает интересное замечание, касающееся высказывания Гераклита о реке, в которую нельзя войти дважды. Прежде чем входить в реку дважды или единожды, мы всегда оказываемся перед ней. Река всегда уже есть, а мы лишь испытываем ее течение. Итак, от прошлого, проясняясь, остается наследство, символы. Они остаются в объективности, как суггестивные точки, которые привлекают и провоцируют мышление. Суггестивный механизм заставляет помнить и возвращает всякий раз в прошедшее время, которое по факту оказывается не прошедшим, а современным, идущим до сих пор, не прожитым, а актуальным, реальным, живым.

Для выживших в Освенциме/Аушвице эксперимент не закончится никогда. *Прошлое для его узников не уходит*, имея тенденцию к вечному возвращению и заставляя помнить себя еще и еще. Повреждения личности в ходе эксперимента могут быть столь существенны, что не предполагают никакого заживления. «Вечного возвращения Освенцима невозможно желать потому, что он никогда не переставал происходить, потому, что он и без того постоянно повторяется. Этот неумолимый опыт открылся Леви в форме сна: это сон во сне – его детали меняются, но содержание остается тем же. Я за столом с семьей, или с друзьями, или на работе, или за городом: в общем, в мирной, спокойной обстановке... И тем не менее я ощущаю слабую и вместе с тем глубокую тоску, чувство нависшей угрозы. И вот во сне, постепенно или сразу, каждый раз по-новому, все вокруг меня распадается и разрушается: пейзаж, стены, люди, а тоска становится более сильной и определенной. Все обратилось в хаос. Теперь я один в центре серого и смутного ничто – и вдруг я понимаю, что все это значит, и знаю, что всегда это знал: я снова в лагере, и всё вне лагеря было неправдой, коротким перерывом или обманом чувств, сном: семья, природа в цвету, дом. Мой внутренний безмятежный сон закончился, а в продолжающемся внешнем ледяном сне я снова слышу хорошо знакомый голос, одно-единственное слово, не повелевающее, нет – напротив, короткое и смиренное. Команда подъема в Освенциме, иностранное слово, которого ждешь и боишься, – подъем, *Wstawac*» [1, с. 108–109].

Примо Леви, который провел только в Освенциме 11 месяцев под номером 174 517, говорит, что опыт лагеря необратим, что нельзя попасть в допытное состояние мирной жизни и начать с «чистого листа». Любое событие оставляет след в человеке, а в ситуации эксперимента этот след всегда травматичен, поскольку эксперимент в любом случае не естественен и представляет собой длящийся процесс пытки. Люди после экспериментов не восстанавливаются. *Особенность человека как прибора, как свидетеля, в том, что он имеет память*. Память человека сама по себе документ, но документ не безликий. Применительно к эксперименту лагеря, она приговор, поскольку происходит в настоящем человека. И пусть он стремится покинуть эксперимент во что бы то ни стало, любой ценой, ценой любых бессознательных состояний (алкоголь, специфическая психотерапия, гипноз). В отношении прошлого эксперимент создает состояние абсолютной несвободы в памяти, ибо жизнь в эксперименте продолжается, даже когда сам эксперимент кажется законченным.

Цель физической и психологической пытки – контроль, устранение сопротивления, однозначное желание подчинить. Но правда/истина, которая обнаружится в результате пытки, не выдерживает никакой критики. Слова человека под пыткой или в состоянии тотального страха не имеют смысла, он скажет все что угодно, лишь бы прекратить состояние боли. Логически пытка совершенно бесполезна, потому что «она разрушает условия, при которых слова пытаемого можно было бы принять всерьез, отличить правду от искажений или лжи» [8, с. 133]. Иными словами, пытка разрушает субъекта, поэтому о процессе испытания некому свидетельствовать, а значит, истинно высказаться. *То, что делает в эксперименте*

пытка, обесценивает претензию эксперимента на раскрытие истины. «Говорить, чтобы ничего не сказать, потому что цель – не установление каких бы то ни было отношений, но избавление от боли, завоевывающей пространство и человека. Человек под пыткой являет собой только боль, и речь его становится единственным оставшимся у него способом не просто сказать что-то, но избежать всеобъемлющего страдания, которое сводит с ума и разрушает его, разрушает навсегда» [8, с. 132]. Свидетельство под пыткой неполноценно. Лагеря, при всей их рациональной наукообразной структуре, абсолютно бессмысленны с позиции познания истины.

Это касается не только физических пыток, но и любого рода насилия, уничтожающего человека, а вместе с этим уничтожающего истину, которая, как всякая полнота, может быть только положительной. Главное, что разрушается в социальных экспериментах, – это человеческая природа, неуловимое состояние, надстраивающееся над голой жизнью. Д. Агамбен, анализируя социальный эксперимент Освенцима, пишет: «Освенцим знаменует собой смерть и разрушение всякой этики, основанной на достоинстве и соответствии норме. Голая жизнь, к которой сводится человек, ничего от него не требует и ни с чем не соизмеряется: будучи абсолютно имманентной, она сама по себе становится единственной нормой... Выжившие приносят из лагеря на землю чудовищную весть о том, что можно утратить достоинство и честь в такой степени, которую даже трудно себе представить, и что жизнь продолжается даже в состоянии полной деградации» [1, с. 75].

Агамбен делает вывод, что «человеческое» по сути потенциально, оно представляет потенциальное бытие, актуален лишь факт жизни биологической. Человека в себе можно потерять, даже оставшись в живых. «Освенцим – это не только и даже не столько лагерь смерти, сколько площадка для проведения невыносимого доселе эксперимента. Здесь, по ту сторону жизни и смерти, еврей превращался в мусульманина, а человек в не-человека» [Там же, с. 55]. Специально уточним, что словом «мусульманин» арестанты называли не верующего мусульманина, адепта ислама, но любого заключенного (еврея, русского, цыгана, поляка), находящегося в состоянии крайнего отчаяния. Так получилось, что в лагерном словаре «мусульманин» стало означать «изгой». «Мусульманин – это зона эксперимента, в котором сама мораль, само достоинство человека ставится под вопрос» [Там же, с. 67].

Превращая человека в не-человека, концлагерь уничтожает и свидетельство о том, что происходит в лагере (пространстве эксперимента) и с самим человеком. Свидетель это «тот, кто пережил нечто, прошел до конца какое-то событие и поэтому может свидетельствовать о нем», – говорит Д. Агамбен в своей книге «Нотто sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель» [Там же, с. 15].

Детально останавливаясь на теме свидетеля, Агамбен убедительно показывает, что тот, кто пережил Эксперимент Освенцима, не может полноценно свидетельствовать об этом эксперименте, потому что полноценный свидетель – это тот, по которому с «научной точки зрения» можно судить – Мусульманин (терминология Освенцима, см. выше). *Muselmann* – на лагерном языке этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами, у кого угасла та область сознания, в которой противостоят друг другу добро и зло, благородство и низость, духовное и бездуховное. Он превращается в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела. «Их смерть началась задолго до того, как они умерли. За недели, месяцы до того, как потухнуть окончательно, они уже потеряли способность замечать, вспоминать, сравнивать, формулировать» [Там же, с. 34]. Состояние мусульманина отчасти напоминает состояние человека в ситуации эпилептического припадка – парадокс присутствия и отсутствия человека одновременно. Свидетельство самого мусульманина невоз-

можно, свидетельствовать о мусульманине возможно только «по доверенности, со стороны»: свидетельствовать о том, чего сам свидетель не испытал.

Подлинный свидетель свидетельствовать не может, потому что труп не может свидетельствовать. Если бы мусульманин имел сознание, он оставил бы свидетельство в тексте, но особенность мусульманина в том, что это, фактически, не человек. Это состояние смерти при жизни. Свидетельство невозможно. Свидетельство предполагает точное, сфокусированное внимание и обязательное наличие памяти, что в состоянии Muselmann требовать абсурдно.

«Мусульманина презирали все, даже его товарищи... Его чувства притуплялись, люди, находившиеся рядом с ним, совершенно переставали его интересоваться. Он больше не мог ни о чем говорить, не мог даже молиться, не верил ни в рай, ни в ад. Он больше не думал о своем доме, семье, товарищах по лагерю. Почти все мусульмане умерли в лагере, лишь очень немногие смогли выйти из этого состояния. Благая судьба или провидение сделали так, что некоторые смогли освободиться. Поэтому я могу писать о том, как я смог вытащить себя из этого состояния. <...> На каждом шагу вы видели мусульман – тощие, бледные фигуры с почерневшими кожей и лицом, потерянным взглядом, ввалившимися глазами, изношенной одеждой, мокрых и вонючих. Они передвигались нетвердыми, медленными шагами, были неспособны ходить в ритме марша... Они говорили только о своих воспоминаниях и о еде: сколько кусков картошки и мяса было вчера в супе, был он густым или водянистым... Письма, приходившие из дома, не даровали им утешения, они больше не питали иллюзий, что смогут вернуться. Они с волнением ждали посылки, чтобы наестся хотя бы раз. Они мечтали порыться в куче отходов кухни, чтобы добыть себе куски хлеба или кофейную гущу» [1, с. 177–178].

Проблема, которую ставит Освенцим в отношении человека, философски академична, традиционна: «Существует ли особая человеческая природа», «Что это за основополагающее чувство принадлежности к человеческому виду?».

Оказалось, что такового чувства и таковой природы нет. Есть первичная «голая жизнь», а основная форма потребностей – биологическая. «Узник лагеря, сумевший в нем выжить, считает, что процесс деградации затрагивал всех без исключения, и признает, что, попав в лагерь, заключенный был обречен оставить человеческое достоинство и ответственность за его воротами» [Там же, с. 63]. Эксперимент в Освенциме показал: человеческая природа формируема, а формировать ее прямыми пытками – неэффективно. В результате получают физически слабые, изможденные люди, от которых пользы мало, а власть над такими людьми не приносит удовольствия, поскольку несет с собой определенную долю осознанной вины. Вот бы сделать людей счастливыми и управлять такими – забавный менеджерский ход, в истории он новый, до XX века вероятность такого разворота событий была минимальна, поскольку непонятно, на каких условиях ее осуществлять. Конечно, люди всегда хотели счастья, и революции спекулировали именно на этом чувстве, но всякая революция в итоге всегда обращалась террором, и все становилось на круги своя.

Рассмотрим иной подход к природе человека, внешне оптимистичный и вполне «гуманный» и также относящийся к разряду «настоящих» экспериментов. Перспектива технологического отношения к человеческой природе в аспекте человеческого счастья ярко проанализирована в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Люди в романе производятся по методу Бокановского (созвучно – Бэкона). Бокановскизация – это серия процедур, угнетающих развитие яйца. В итоге не один зародыш, а до девяноста шести из ста становятся одинаковыми однойцовыми близнецами. В результате различных влияний/воздействий зародыши приобретают определенные заданные свойства. Всё подвергается генетическому дизайну, альфа-группа сформирована. Чем ниже каста, тем ниже физиче-

ское и интеллектуальное развитие индивида. Но в этом мире есть главное: все счастливы. Для реализации этой цели используют, например, правильное воспитание электрическим током с младенчества; легкий наркотик «сома» для поддержания бодрости духа; здоровый фитнес свободного секса. Умирают люди тоже легко, молодыми, красивыми, просто «уходит» отработанный человеческий материал в печь крематория, оставляя при этом, как дань научному прогрессу, фосфор. «Так приятно после смерти быть общественно полезными» [10, с. 45]. Счастье превращается в экономическую категорию. «Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а, напротив, повторяют им в высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей степени – иначе останутся машины» [Там же, с. 115]. В этом мире единственным «нерентабельным» элементом был Дикарь, по случайности не прошедший технической обработки и родившийся «позорно», как обычный человек. Его пытались вразумить, привести к экономическим показателям его дремучую природу, но в некоторых случаях бессильна и наука, и демократия. Не все хотят упрощаться! Дикарь оставил себе и боль, и память, а следовательно, остался историчным и в итоге погиб.

Роман О. Хаксли «О дивный новый мир» был написан в 1931 году, и пророчество романа делалось в расчете на то, что его можно будет избежать. Однако сегодня мы читаем и слушаем рассуждения в духе «нового дивного мира» Хаксли как утверждения и тезисы недалекого будущего и, что важно, как положения неоспоримо положительного содержания. Вот один из ярких примеров. «Что будет происходить дальше? Про нас будут знать, что мы захотим купить, даже когда этого не знаем еще мы сами. Кто-то будет знать, на какой фильм мы пойдем, когда мы еще этого не знаем. Кто-то будет знать, на ком мы будем женаты, когда мы еще этого не знаем. Уже есть способы с помощью анализа информации предсказать, в какой стране будет следующая война. Очень интересно, что мир к этому идет. В конце скажу: мы будем покупать и платить, и будет автоматическая доставка с улыбкой, и реклама будет в голове, и про нас будут всё знать. Это факт, и нам нужно его принять и жить, и покупать с удовольствием»². Это высказывание – квинтэссенция лекции Дэнни Перекальски, генерального директора Ozon Group, проведенной телеканалом Malina в системе проекта «Интеллекции» 13 декабря 2016 года. Искренность и непосредственность этого высказывания, а также авторитет лектора-бизнесмена убеждают, что вышеописанное положение дел вполне допустимо, ведь оно определяется лучшими человеческими побуждениями.

Эксперименты по изменению человеческой природы часто представлены шуткой, розыгрышем, милой забавой. Ну, разве можно усмотреть что-то зловещее в том, что имеет в заголовке ссылку на библейский текст: «Был я слеп, Господи, теперь я вижу...» Фильм Д. Финчера «Игра» (1997) вызвал море аплодисментов критиков и зрителей: какая тонкая психология, как замечательно меняется человек, превращаясь из скучного рационального, холодного, черствого миллионера в живого чувствующего, любящего человека! Чем не божественное преображение? Только запрос на это преображение идет не из недр человеческого существа. Зная особенности жизни Николаса ван Ортена, его брат Конрад решает сделать ему подарок – Игру, которая никого не оставляет равнодушной и меняет жизнь любого. Одиночество и однообразие угнетают Николаса, и он как-то невзначай попадает в Игру; как Фауст, отчаявшийся найти истину, попадает в сети Мефистофеля. Мефистофель тоже предлагает Фаусту, дошедшему до грани

² Перекальски Д. E-commerce: будущее // Malina.am : [сайт]. – 2016. – 13 декабря. – URL: http://malina.am/video/2016/12/13/intellektsii_danny_perekalsky_ozon

самоубийства, решение его проблем. Он обещает показать возделенную мечту Фауста – истину, в обмен на малость – душу. Для потенциального самоубийцы, согласного лишиться души «за так», от отчаяния, такой договор даже выгоден или, лучше сказать, рационален. Фауст соглашается. У Николаса ван Ортена тоже есть желания, которых он не допускает в своей жизни. Они загнаны в бессознательное: в сны, ассоциации, страхи. Конечно, Игра должна дать ему именно то, чего он хочет. В Игре Николас создает реальные онтологические связи с искусственными ситуациями, в которые попадает. Выйти из Игры практически невозможно, ведь Николас сам рассказал своим кукловодам все свои суггестивные точки, он отдал все ключи, отдал то, что его волнует, то, в чем есть реальная жажда его природы. Пытаясь хоть как-то сохранить трезвость рассудка, Николас тем не менее попадает во все больший круговорот. Как у Фауста, не будь Мефистофеля, невозможны были бы и смерть Маргариты, и связь с мертвецами, и многое другое, ибо все подстроено, спланировано. «Наевшись» собственных желаний, Николас становится человеком добрым, чувствующим, любящим, понимающим, прощающим, как было задумано. Но, главное, Николас ван Ортен становится *другим* человеком. Он становится как все. Как все двести человек, что были задействованы в этой Игре. Как все, кто полноценно и честно проходит ситуацию эксперимента Игры. После всего этого чудесного превращения остается один вопрос: а *смог бы теперь* этот милый господин, прошедший через самоубийство и полностью удовлетворенный, пройти еще раз подобные испытания? Или для стерильной природы нового Николаса это избыточно? Старый Фауст, прошедший мытарства земных открытий, погибает. Господь забирает душу Фауста, оставляя ее себе. Можно только надеяться, что «возрожденный» Николас ван Ортен тоже не призрак.

Финчер не поставил стену между старым Николасом и новым Николасом. Он пожалел зрителя, люди требуют happy end. Мы полагаем, было бы честнее, если бы он показал, куда на самом деле попадают жертвы социальных игр.

Задача, которая следует из проблемы потери/размывания/девальвации человеческой природы, – это задача, *как эту природу спасти*. ««Спасти» – значит вернуть что-либо его существу, чтобы тем самым и его существо впервые явить в его подлинном свете» [9, с. 234]. При всей сложности этой задачи, очевидно: первое, что необходимо сделать, – поставить правильно фокус внимания, поймать проблему. Многие вопросы остаются нерешенными либо в силу того, что сознательно забалтываются, либо просто человек ими до времени не озабочен и думает о них как о пустяке. Спасение человеческой природы условно распадается на две составляющие: спасение существования человека и спасение его сущности. Парадокс человеческого существа заключается в том, что оно всегда больше, чем оно есть, – сущность формируется, и основание его существования зависит не только от Бога: человек обладает свободой.

Литература

1. Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М. : Европа, 2012. – 192 с.
2. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента. От Античности до XVII в. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 293 с. – URL: //biblioclub.ru/index.php?page=book&id=228428
3. Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» // Болдыгин Г. В. Истина или польза. Избранное. – Saarbrücken : LAP, 2013. – 120 с.
4. Борхес Х. Л. Обладание прошлым // Борхес Х. Л. Сочинения : в 3 т. – 2-е изд, доп. – Т. 2. – М. : Полярис, 1997. – 639 с.
5. Бэкон Ф. Собрание сочинений : в 2 т. – Т. 2. – М. : Наука, 1972. – 582 с.
6. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М. : Прогресс, 1987. – 368 с.

7. Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века : повести. – М. : Текст, 1992. – 416 с.
8. Терещенко М. О пользе пытки: могут ли демократические общества оставаться пристойными? // Логос. – 2011. – № 1 (80). – С. 118–148.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В. В. Библина. – М., 1993. – 447 с.
10. Хаксли О. О, дивный новый мир! // Иностранная литература. – 1988. – № 4. – С. 13–125.
11. Хокинг С. От большого взрыва до черных дыр: Краткая история времени. – М. : Мир, 1990. – 168 с.
12. Цурр И. Усложненные понятия о жизни: «полуживые» существа // Логос. – 2006. – № 4 (55). – С. 148–157.

Elena Uryevna Pogorelskaya,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Hospitality and Tourism Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Leonid Sergeyeich Chernov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Philosophy and Political Science Chair, The Russian Presidential Academy on National Economy and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

Experiment: the Problem Metamorphosis and Transformation of Nature

The article deals with the issues concerning the nature of scientific experiment as a basis of the Western civilization. Scientific experiment is not just a rigorous method of studying nature, but also the general social practice penetrating into all domains of society including the human nature. The authors consider the features of social experiment using the examples of cinema, literature, artistic culture. They also raise a question of true evidence of the Auschwitz experiment. The hypothesis of the viral nature of the technical is supported by the practices of modern society life.

Key words: experiment; social experiment; the nature of technology; transformation and re-birth; «new» nature; «bare life»; witness.